

КЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЮ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА.

Повѣсть о Гардарикѣ, князѣ Цимбрскомъ¹⁾.

Подъ такимъ заглавіемъ хранится въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ (въ собраніи князя Барятинскаго, за № 195) рукопись первой четверти XIX в. (бумага голубая, со знаками Ярославской фабрики, съ указаніемъ года 1809), на 64 л., въ листъ, писанная очень тщательно²⁾.

Подъ вымышленнымъ именемъ Гардарика повѣсть изображаетъ князя Г. А. Потемкина. Ключъ къ такому пониманію дается самой рукописью. Такъ къ слову „Гардарикъ“ дѣлается слѣдующее примѣчаніе: „Гардарикъ до пришествія Рюрика былъ царь Смоленскій и Псковскій, потому и вся та страна въ Скандоготскихъ древностяхъ разумѣется подъ названіемъ Гардариціи; слово сіе есть готское *Gardz*, значить ограду, а *Rikke* царство, то есть ограда царства“. Къ словамъ „князь Цимбрскій“ слѣдующее: „Циммерія или Цимбръ есть слово Готское, значущее сумерки или потіомки. Сямъ именемъ древле назывался Крымъ“ (л. 5 на оборотѣ).

Всѣ дѣйствующія лица повѣсти названы также вымышленными именами. Въ концѣ рукописи (на л. 63 об.—64 об.) приложенъ „ключъ или изъясненіе нѣкоторыхъ древнихъ и превращенныхъ собственныхъ

¹⁾ Докладъ, прочитанный въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности 24 Марта 1908 г.

²⁾ Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій съ ранней молодости и до кончины любилъ заниматься исторіею, преимущественно Русскою. Въмѣстѣ со своимъ пріятельствомъ сверстникомъ графомъ Юсифомъ Михайловичемъ Вельгорскимъ собиралъ онъ книги и рукописи относящіяся къ познанію Россіи, и въ 1879 году почти наканунѣ своей кончины, когда къ нему пріѣхалъ въ Женеву братъ его князь Викторъ, онъ просилъ его занести въ опись новопріобрѣтенныя книги и купить полки для ихъ размѣщенія. (Слышано отъ В. А. Кузнецова). Графъ Д. А. Милютинъ, служа при немъ на Кавказѣ, называлъ его новымъ княземъ Потемкинымъ. Поэтому не мудрено, что въ его рукописяхъ нашлась повѣсть о „Гардарикѣ“. П. Б.

именъ, содержащихся въ повѣсти о Гардарикѣ“, составленный, повидимому, не авторомъ ея, а переписчикомъ для удобства читателей. На это предположеніе наводитъ то обстоятельство, что многихъ именъ мы совершенно не находимъ въ ключѣ; такъ не разъяснены имена полководцевъ Полжоносъ, Порсамонъ, Гудонъ, Ниссей, городовъ Суджона, Гересиндъ, Гуржебонъ, рѣки Юрлюка и много др. При словѣ „Ликаонъ“ читаемъ: „естъ слово вымышленное, подъ нимъ здѣсь разумѣется“... Повидимому, составитель ключа самъ былъ не вполне освѣдомленъ относительно употребляющихся въ повѣсти псевдонимовъ и не всегда умѣлъ ихъ открыть. Большинство же „превращенныхъ именъ“ раскрывается безъ особаго затрудненія *).

Указаніе на существованіе „Повѣсти о Гардарикѣ“ въ рукописи находимъ въ прибавленіи къ переводу „Жизнь князя Потемкина-Таврическаго“, написанной Гельбигомъ, который изданъ въ Москвѣ въ 1812 г. Среди анекдотовъ изъ жизни князя читаемъ такой заголовокъ: „Мысль объ иносказательномъ изображеніи дѣяній Потемкина. Изъ рукописи подъ заглавіемъ Гардарикъ, князь Цимбрскій, Гардарикъ естъ Потемкинъ“. Далѣе слѣдуетъ текстъ, который мы, дѣйствительно, находимъ на л. 3-мъ разбираемой рукописи. Слѣдовательно „Повѣсть о Гардарикѣ“ была извѣстна въ 1812 г.; нѣкоторыя же указанія автора позволяютъ предположить, что она написана не въ XIX в., а въ концѣ XVIII в. Такъ на л. 3-мъ об. читаемъ: „сія картина изображаетъ, что теперь существеннѣйшая польза дѣль Гардариковыхъ еще закрыта и что потомство, познавъ всю цѣну оной, откроетъ всю важность подвиговъ, имъ подъятыхъ“ и такъ далѣе.

Л. 6-й. „Жизнь Гардарикова, такъ какъ и cadaго смертнаго, состоитъ изъ добродѣтелей и пороковъ, подобно какъ и всякая картина изъ свѣта и тѣни; потому *современный* писатель и не можетъ начертать образъ его сходными красками, ибо тутъ многое принадлежитъ къ историческимъ тайностямъ, слѣдственно и къ *другому столѣтію*“.

Собраніе анекдотовъ и писемъ о генер.-фельдм. кн. Потемк.-Таврич., служащее дополненіемъ къ его жизни. М. 1812 г. стр. 73—74; въ рукописи. „Проектъ эмблематической картины, къ исторіи Гарда-

*) Такъ подъ именами Соврана, Паннона, Рубина, Вартеборуга, подразумѣваются Суворовъ, гр. Папаниъ, кн. Репнинъ, принцъ Виртембергскій и т. д.; Румянцеву присвоено имя Германника. Петербургъ авторъ называетъ Гиперборейгомъ, Москву—Острогардомъ, Россію—Рисландіей, со слѣдующимъ поясненіемъ: „Рисландія происходитъ отъ Готскаго *ризе*—исполннъ и *ландъ*—земля, то есть земля исполнновъ; въ древнія времена такъ называлась Россія“.

рика изготовленный. На сей картинѣ видны слѣдующіе предметы: 1-е, время въ видѣ старика одною рукою совлекаетъ покрывало съ портрета Гардарикова, а другою указываетъ на карту, представляющую города и земли, имъ завоеванные; наступленіемъ же ногою на щитъ его показываетъ, что оно полагаетъ предѣлъ человѣческимъ предпріятіямъ. 2-е, въ дали виднѣнъ храмъ безсмертія, на который Богиня Правосудія рукою указываетъ и тѣмъ даетъ знать, что она тамъ назначаетъ ему мѣсто. 3-е, въ то самое время два генія поднимаютъ сей портретъ и поспѣшаютъ его тамъ поставить. 4-е, парящая надъ нимъ Молва съ трубою повѣдаетъ вселенной славу его. 5-е, на землѣ лежатъ разные доспѣхи Гардариковы и 6-е, внизу видна Латинская надпись такого содержанія:

Post genitis hic carus erit,
Nunc carus amicis,

т. е. сей въ потомствѣ любимъ будетъ, а нынѣ любятъ его токмо друзья“.

Л. 7-й. „А ты, великій Государь, слава и честь Рисландіи, страхъ враговъ ея и удивленіе всего свѣта; ты творецъ сего великаго сподвижника! Удостой повѣсть о немъ монаршаго вниманія: писатель, изображая подвиги его, главнымъ имѣлъ предметомъ оправдать предъ современниками *мудрый выборъ твой*.“

Л. 63-й. „*Наступитъ столѣтіе*, которое Гардарикъ хотѣлъ сдѣлать своимъ столѣтіемъ; тогда многія обстоятельства совсѣмъ въ другомъ видѣ представляются, нежели какъ ихъ *теперь* изображаютъ“.

Тамъ же: „Праха его... *за два льта предъ симъ*¹⁾ изъ Дачіи принесенъ во градъ Бористенополь, имъ построенный. Монархъ, чтя великія его заслуги, повелѣлъ во храмъ, гдѣ оный положенъ, воздвигнуть памятникъ съ его изображеніемъ“.

Обращеніе къ государю, подъ которымъ подразумѣвается Екатерина II, даетъ возможность предположить, что повѣсть написана еще при ея жизни; а послѣднею выдержкою даже приблизительно опредѣляется время: Потемкинъ умеръ 5-го Октября 1791 г.²⁾, въ томъ же году праха его перевезенъ изъ Яссъ въ Херсонъ, гдѣ 23 Октября положенъ въ церкви Св. Екатерины³⁾; авторъ повѣсти указываетъ, что это произошло *за два юда* предъ симъ, значитъ, повѣсть его относится прибли-

¹⁾ Курсивъ во всѣхъ приведенныхъ изъ рукописи мѣстахъ—нашъ.

²⁾ Дневникъ А. В. Храповицкаго, стр. 377: записъ отъ 12 Окт. 1791 г. СПб. 1874 г.

³⁾ А. Н. Самойловъ. Жизнь и дѣянія кн. Г. А. П.-Т. Р. Арх. 1867 г. стр. 1559—1560. М. Шугуровъ. Гробница кн. Потемкина. Р. Арх. 1867 г., стр. 204.

зительно къ 1793—94 г. На это же указываетъ и второе обстоятельство относительно памятника, который предполагается еще не поставленнымъ: извѣстно, что Императрица повелѣла воздвигнуть памятникъ Потемкину черезъ два года послѣ его смерти¹⁾.

Цѣль автора повѣсти—оправдать Потемкина отъ несправедливыхъ. по его мнѣнію, осужденій враговъ; авторомъ руководятъ благодарность гражданина и желаніе повѣдать потомству истину. „Часто описываютъ дѣянія великихъ людей изъ награжденія или изъ ласкательства, въ которомъ скрывается гнусный порокъ раболѣпства; но почитатель дѣлъ Гардариковыхъ, внимая токмо чувствію сердца своего, предпріемлетъ краткими чертами изобразить его подвиги, нѣкоторыя отличительныя свойства сего безсмертнаго мужа, такъ какъ и живые о немъ людей несмысленныхъ толки будутъ предметомъ сея повѣсти“ (л. 6-й)²⁾.

„Я пишу не для современниковъ“, продолжаетъ авторъ, „а для потомства; потомство и собесѣдникомъ моимъ будетъ. Потомству хочу я представить примѣры ревнительныхъ подвиговъ великаго Гардарика. Но чтѣ я предпріемлю? Въ какой опасной путь пускаюсь! Я пишу при его современникахъ; всюду слышенъ ропотъ на дѣла его, воспаляются страсти, гордыня оскорбляется, своекорыстіе противоборствуетъ. зависть пробуждается, клевета поспѣшно притекаетъ, невѣжество ополчается, буря злохуленій мнѣ угрожаетъ, цѣлое полчище злоязычниковъ изопряетъ противъ меня язвительныя стрѣлы глумленія. Уже мнѣ слышатся укоренія таковы: какъ онъ оскверняетъ гласъ свой подлою лестію и хвалами вельможи, недостойнаго своего званія! Какъ дерзаетъ прославлять любочестіе, пресмыкавшееся для того, чтобы паче возвыситься. Но низкій страхъ нимало не останавливаетъ теченія чувствій моихъ, ибо я уже осудилъ себя на презрѣніе бueвъ; я вооружаюсь броней правды противъ всѣхъ ихъ заблужденій, я предпріемлю возстать противъ постыдныхъ оныхъ предразсудковъ, кои, унижая душу, разумъ въ оковы заключаютъ и на цѣлыя вѣки наслѣдственнымъ порабощаютъ

¹⁾ „Екатерина оплакала кончину Потемкина, повелѣла въ день мирнаго торжества съ Портою Оттоманской (1793 г.) въ память его заготовить грамоту, хранить въ соборной церкви града Херсона, гдѣ соорудитъ мраморный памятникъ Таврическому“. Бантышъ-Каменскій. Біографіи Россійскихъ генералиссимусовъ. СПб. 1840 т. II, стр. 84.

²⁾ Подобнымъ же образомъ относится къ своей задачѣ гр. А. Н. Самойловъ, авторъ извѣстнаго панегирика Потемкину: „Привязанность къ нему и благодарность, хотя бы и наклоняли меня пропустить въ немъ слабости человѣческія, но въ преклонныхъ моихъ лѣтахъ непрослительно мнѣ быть раболѣпнымъ и льстецомъ. Издаю сіе для потомства и для тѣхъ современниковъ моихъ, которые будутъ умѣть различать истину отъ вымысла“... Р. Арх., 1867 г., стр. 586.

его заблужденіямъ. Я пойду неробкими стопами, пробьюсь свозь всю толпу невѣждъ и достигну до самаго гроба Гардарикова; тамъ отважною рукою разсыплю нѣсколько цвѣтовъ надъ прахомъ его, предамъ потомству нѣкоторыя знаменитыя дѣла его, посвящу жизнь его истинѣ. Истину повѣмъ о немъ и тѣмъ исполню священный долгъ, коего отъ гражданина требуетъ благодарность“ (л. 6 об.—л. 7).

Изъ этого введенія можно предвидѣть тонъ повѣсти, которая и является панегирикомъ Потемкину. По словамъ автора „человѣкъ здраваго разсудка, разсматривая самымъ критическимъ окомъ пороки Гардариковы, увидить ихъ предъ блескомъ добродѣтелей аки звѣзды предъ свѣтомъ померцающими“ (л. 6-й). На протяженіи всей повѣсти Потемкинъ сравнивается съ героями древности: Алкивиадомъ (л. 7 об., л. 8, л. 15), Перикломъ, Аяксомъ (л. 10), Мильтіадомъ (л. 8 об.),Themistocleomъ (л. 17) и т. д.

„Предки Гардарика великаго“, начинаетъ авторъ свое повѣствованіе „были самодревнѣйшіе дворяне Сарматскіе“, при чемъ нѣкто изъ ихъ рода „имянемъ Гансъ“, выѣхалъ въ Рискандію „за три вѣка предъ симъ“.

Какъ видимъ, авторъ придерживается мнѣнія о Польскомъ происхожденіи Потемкина, подобно многимъ его біографамъ¹⁾, но указаніе на нѣкоего Ганса совершенно произвольно, ибо точныхъ свѣдѣній о времени появленія въ Россіи Потемкиныхъ нѣтъ; есть извѣстія лишь начиная съ 1581 г., т. е. за два вѣка до нашей повѣсти о нѣкоемъ Теодорѣ Потемкинѣ, который на Русско-Литовской границѣ встрѣтилъ іезуита Поссевина²⁾, ѣхавшаго въ Россію.

Многіе изъ потомковъ этого Ганса были мужи разумные, искусные, храбрые, совершали различные подвиги „за вѣру, царя и отечество“, и стяжали „почести и помѣстья“³⁾, слѣдовательно, заключаетъ повѣсть, Гардарикъ происходилъ изъ знатнаго рода. Этого было бы достаточно,

¹⁾ Жизнь кн. П.-Т. М. 1812 г., ч. I, стр. 1. Энгельгардтъ. Записки, стр. 32. Бантышъ-Каменскій, Біографіи, стр. 56. Самойловъ не упоминаетъ о такомъ происхожденіи Потемкина, и въ новѣйшее время Брикнеръ, на этомъ основаніи, отвергаетъ эту гипотезу.

²⁾ Жизнь кн. П.-Т., ч. III, стр. 39—40 (прим. 1).

³⁾ По свидѣтельству біографовъ, наоборотъ, фамилія Пот. была старо-дворянской, но мало-значительной. Извѣстенъ лишь П. Ив. Пот., дипломатъ времени Ал. Мих. и Ѳ. Ал. Энг., стр. 32; Надеждинъ, стр. 12, Бантышъ-Каменскій, стр. 56. Самойловъ, однако, говоритъ: „Родъ дворянъ Потемкиныхъ знаменитъ отъ давнихъ временъ“. Р. Арх. 1867 г., стр. 586.

чтобы испортить челоуѣка слабаго, но въ Гардарикѣ природа помѣстила „всѣхъ грацій“, посѣяла „сѣмяна добродѣтели и дарованія. Одаривъ его Альцибіядовою красотою и пріятностію вида, вселила въ него превосходныя качества: сіе напряженіе разума, сіе пространство для помѣщенія души великой, а между симъ разумомъ и душою основало нужныя отношенія“ (л. 7 об.). Сравненіе Потемкина съ Алкивіадомъ, по словамъ Самойлова, было обычнымъ у его современниковъ¹⁾; дѣйствительно, мы находимъ его въ письмѣ принца де-Линя²⁾, въ собраніи анекдотовъ о Потемкинѣ и проч.³⁾

Съ юности Гардарикъ чувствовалъ въ душѣ голосъ, призывавшій его на служеніе отечеству, и вотъ „юный Альцибіадъ Рисландскій не у Сократа, но у нѣкоего просвѣщеннаго левита⁴⁾ поспѣшно срываетъ незрѣлые плоды ученія“ (л. 8).—О первоначальномъ обученіи Потемкина Самойловъ говоритъ глухо: „по обычаю дворянъ, обучаясь дома“⁵⁾; въ *другихъ же* источникахъ указывается или что онъ учился въ училищѣ пастора Литхенса, или что онъ былъ записанъ отцомъ въ Смоленскую семинарію⁶⁾.

Гардарикъ оказываетъ необычайныя успѣхи, и потому его отправляютъ въ „Острогардъ первопрестольный градъ Рисландскій“, т. е. въ Москву, гдѣ онъ вступаетъ въ „вертоградъ, Минервѣ посвященный“. Но такъ какъ „науки незадолго предъ его прибытіемъ тамъ насажденныя⁷⁾, тогда лишь только укоренялись, слѣдственно были еще скудны“. Гардарика не удовлетворяетъ университетъ: „возлюбилъ онъ праздность паче наукъ“, сталъ „лѣнивѣ, непокорливѣ, строптивѣ, распутенѣ, пы-

1) „Не въ оскорбленіе памяти сего великаго мужа объявлю, что тогдашніе остроумы сравнивали его съ Аѳинейскимъ Альцибіадомъ, прославившимся душевными качествами и отличною наружностію“. Р. Арх. 67 г., стр. 599, прим. 28.

2) „Это настоящій портретъ Алкивіада“. Записки Энгельгардта, стр. 35.

3) Во время пророковъ подъ именемъ Левитовъ разумѣлись священныя особы. (прим. рукописи).

4) Собр. анекдотовъ и писемъ, стр. 9. „Въ лицѣ его заключались качества двухъ славныхъ греческихъ мужей: Алкивіада и Перикла“.

5) Р. Арх. 1867 г., стр. 591.

6) Жизнь кн. Потемкина, стр. 2; Энгельгардтъ, стр. 33. Бантышъ-Каменскій, стр. 57; Преданія о кн. Пот.-Таврич., Р. Арх., 1907 г., т. II, стр. 30.

7) Хронологическое указаніе вѣрно, ибо основаніе Московскаго университета—1755 г., а годъ рожденія Потемкина опредѣляютъ 1736, 39, 42 г. Жизнь кн. П.-Т., стр. I. Энгельг., стр. 32 и прим. 9; Самойловъ, стр. 588. Наша повѣсть опускаетъ фактъ поѣздки Потемкина съ успѣшнѣйшими учениками въ С.-П.-Бургъ. Сам., стр. 593—594.

локъ и буйственъ“¹⁾: Результатомъ такого поведенія является изгнаніе Гардарика изъ „храма Минервина“²⁾, о чемъ „извѣщаютъ печатнымъ листомъ по всей Рисландіи“, т. е. въ газетахъ³⁾. „Какой позоръ для человѣка чувствительнаго“ (л. 8), восклицаетъ авторъ повѣсти.

Вскорѣ послѣ этого печальнаго для него событія Гардарикъ отправляется въ Гиперборейгъ⁴⁾ (С.-Петербургъ), вступаетъ въ полкъ „тѣлохранителей царскихъ простымъ всадникомъ“⁵⁾, проходитъ нижніе чины, занимается усиленно чтеніемъ и исправляется. „Говорятъ, онъ еще въ юности судилъ съ великою мудростію о вещахъ настоящихъ и являлъ въ себѣ довольно прозиранія въ предвѣдніи будущаго. Сіе-то привело его въ великую между его сверстниками славу“ (л. 8 об.). „Между тѣмъ какъ Гардарикъ еще въ пыли пресмыкался, отъ береговъ Нуты⁶⁾ взшло свѣтило и остановилось на горизонтѣ Гиперборейгскомъ, тогда весь Сѣверъ озарился. Се было знаменіе грядущаго благоденствія Рисландіи. Мудрый Государь, изъ тоя страны пришедшій, по правамъ союза крови, восходитъ тогда на престолъ Рисландскій“ (л. 8 об.). Тотъ фактъ, что Екатерина обратила вниманіе на Потемкина, описывается авторомъ слѣдующимъ образомъ: „Лишь только Государь, на престолъ тогда восходившій, увидѣлъ полки своихъ тѣлохранителей, уже онъ на преданнаго ему Гардарика мечеть благоволенія исполненный взоръ свой; ибо тайная нѣкая пріятность, блиставшая въ лицѣ его, прелестный взглядъ, черты одна для другой расположенныя, благородный и величественный видъ, исполинскій ростъ, стройность стана, приманчивая осанка, статность и величавая поступь прорицали въ немъ

1) Объ отношеніи Потемкина къ занятіямъ см. „Преданія о кн. Пет.-Тавр.“, Р. Арх., 1907 г., т. II, стр. 130.

2) Р. Арх., стр. 594. 20-е прим. Бартенева.

3) Бантышъ-Каменскій, стр. 57, прим.: „Я видѣлъ въ портфеляхъ покойнаго моего родителя (сгорѣвшихъ въ Московскій пожаръ 1812 г.) оторванный отъ Вѣдомостей листъ, въ которомъ было напечатано, въ числѣ выключенныхъ изъ университета *за нехожденіи, имя Григорія Потемкина*“.

4) „Гиперборейгъ означаетъ сѣверную сторону“ (прим. рукоп.).

5) По указанію Самойлова, Потемкинъ, утомясь пребываніемъ въ университетѣ, вступилъ въ конный полкъ ефрейтъ-капраломъ, затѣмъ былъ произведенъ въ вице-вахмистры и т. д. Р. Арх., стр. 596—97. По словамъ же П. Бартенева, Потемкинъ только числился на службѣ, вступивъ фактически въ полкъ въ С.-П.-Б. лишь въ 1761 г. Даты его первоначальной службы таковы: 30 Мая 1755 г. записанъ ефрейторомъ конной гвардіи; 15 Авг. 1757 г.—капралъ; 31 Дек. 1758 г.—ефрейтъ-капралъ; 19 Мая 1759 г.—каптенармусъ; 1761 г.—вахмистръ (уволень изъ университета въ 1760 г.). Р. Арх., стр. 594, прим. 20-е. См. также Энгельгардъ, стр. 33.

6) „Нута-рѣка, Цербстъ протекающая“—прим. рукописи.

душу великую“¹⁾ (л. 9). Монархъ отличаетъ Гардарика, даетъ ему „знатное близъ Острогарда имѣніе“²⁾, беретъ ко двору „комнатнымъ бояриномъ“³⁾ и посылаетъ къ государю Свитиордскому“⁴⁾ (Шведскому), возвѣстити о своемъ восшествіи на престоль. Здѣсь наша повѣсть расходится съ Самойловымъ, который относитъ эту поѣздку Потемкина къ болѣе позднему времени⁵⁾, и сблизается съ другими біографическими источниками⁶⁾. Приводится анекдотъ о пребываніи Потемкина при Шведскомъ дворѣ, повторяемый только въ „Собраніи анекдотовъ“, взятый, повидимому, изъ нашей повѣсти. Приводимъ для сравненія оба текста:

Л. 9 (рукопись).

Стр. 15.

„Лишь только онъ туда прибылъ, уже благоразумное его тамъ поведеніе усугубляетъ уваженіе двора Свитиордскаго ко двору Рисландскому: царя тамошняго любимецъ, вода его по чертогамъ, гдѣ хранятся трофеи и указывая на тѣ, кои на нѣкоемъ сраженіи взяты у Рисландцевъ, „вотъ, сказалъ онъ Гардарикъ, какое множество побѣдительныхъ знаковъ, кои предки наши отняли у вашихъ“. „А наши герои, отвѣчалъ на сіе Гардарикъ, вмѣсто того отняли у васъ множество городовъ, коими и теперь мы владѣемъ“. Тутъ вельможа Свитиордскій покраснѣлъ отъ стыда“.

„Князь Потемкинъ, посланный Екатериной въ Швецію съ увѣдомленіемъ о вступленіи ея на престоль, при дворѣ Шведскомъ, поддерживалъ честь и величіе Россійскаго двора. При первомъ семь шагѣ на поприщѣ государственномъ Потемкинъ предъявилъ будущую свою славу. Любимецъ королевскій, вода его по чертогамъ, гдѣ хранятся трофеи и указывая на знамена, отнятыя у Русскихъ, сказалъ: „какое множество знаковъ славы и чести предки наши отняли у вашихъ предковъ“. — „А наши герои, отвѣчалъ Потемкинъ, столько отняли у васъ городовъ, которыми и теперь владѣемъ“.

По возвращеніи изъ Швеціи, Гардарикъ „уже былъ готовъ идти исполинскими шагами по должностямъ государственнымъ на верхъ знатности и чести“, но болѣзнь глазъ заставляеть его удалиться отъ

1) Ср. Записки гр. Сегюра, стр. 45.

2) Брикеръ. Потемкинъ. (СПб. 1891 г., стр. 13.

3) Потемкинъ назначенъ подпоручикомъ конной гвардіи и камеръ-юнкеромъ. Энгельгардтъ, стр. 34. Сам., стр. 597. Надеждинъ, стр. 22. Бант.-Кам., стр. 58.

4) „Въ древнія времена подъ именемъ Свитиорда разумѣлась Швеція“ (примѣч. рукописи).

5) Р. Арх., стр. 605.

6) Жизнь кн. П.-Т., стр. 6. Энг., стр. 34; Над., стр. 22. Бант.-Кам., стр. 58.

двора. Онъ много читаетъ, занимается исторіей, математикой и Священнымъ Писаніемъ: „исполискими шагами мгновенно протекаетъ онъ все пространное поприще учености“¹⁾. (л. 9). Поправившись, Гардарикъ собирается удалиться въ пустыню и стать инокомъ, стѣсняясь вернуться ко двору съ испорченнымъ глазомъ: „уронъ совѣмъ почти непримѣтный, а для человѣка, чувствующаго въ себѣ всё совершенство, весьма великій“ (л. 10).

Но государь призываетъ его ко двору²⁾ и посаждаетъ въ верховномъ совѣтѣ первосвященниковъ, блюстителемъ своихъ законовъ: „въ 8-е лѣто своего царствованія онъ возводитъ его въ чинъ комнатнаго вельможи, а чрезъ годъ переименовываетъ полководцемъ 4-й степени“³⁾ (л. 10).

За нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ началась война „противъ Агарянъ“; (о причинахъ, вызвавшихъ Турецкую войну, наша повѣсть не говоритъ ничего). Гардарикъ стремится на войну, государь отпускаетъ его, и Гардарикъ идетъ „слѣдами Аякса и Діомида“, обнаруживая необычайныя воинскія дарованія. Повѣсть рассказываетъ подробно и точно о всѣхъ сраженіяхъ кампаніи 1769—1770 г., о дѣлѣ подъ Хотиномъ⁴⁾, при Фокшанахъ⁵⁾, Браиловѣ, Журжѣ, Ларгѣ и Кагулѣ и т. д., причемъ, совпадая съ Самойловымъ, отмѣчаетъ, что въ сраженіи при Кагулѣ Потемкинъ не участвовалъ, а охранялъ обозы съ провіантомъ⁶⁾.

1) „Прилѣпился онъ къ чтенію классическихъ и другихъ ученыхъ авторовъ, усугубилъ прилежаніе къ просвѣщенію себя всѣми познаніями, чтобы имѣть способность быть военнымъ и государственнымъ человѣкомъ. Сіе уединенное прилежаніе при чрезвычайной памяти, коей онъ одаренъ былъ отъ природы, здравое соображеніе, перабственное понятіе о томъ, что прочитывалъ, замѣчательное разсмотрѣніе въ познаніи истинъ и рода жизни, къ которой онъ, такъ сказать, себя осудилъ, исполнили его просвѣщеніемъ и глубокомысліемъ и расширили въ умѣ его науку всеобщихъ познаній, въ коей приобрѣлъ онъ столь великое превосходство“. Сам., стр. 600—601; см. также Записки гр. Сегюра, стр. 46.

2) Сам., стр. 603—604.

3) Потемкинъ назначенъ въ 1766 г. помощникомъ оберъ-прокурора Синода, въ 1768 г. камергеромъ, въ 1769 г.—ген.-маіоръ. Прим. П. Бартевева, Р. Арх., 67 г., стр. 594, прим. 20; Самойловъ, тамъ же, стр. 592, прим. 15, и стр. 597. Бантынгъ-Каменскій, стр. 59.

4) Сам., стр. 997—998; о дѣйствіяхъ Потемкина въ кампанію 1769—1770 г., см. Бант.-Каменскій, стр. 59—60.

5) „Потемкину вѣрено было начальство надъ небольшимъ отрядомъ пѣхоты и конницы, съ нею онъ разбилъ 12000 корпусъ Турецкихъ войскъ при Фокшанахъ“. Сам., стр. 999.

6) Сам., стр. 1000: въ Жизни кн. П.-Т. утверждается, что Потемкинъ былъ отряженъ къ сраженію при Кагулѣ (стр. 21). Лееръ указываетъ, что отряды Гуловича и Потемкина были посланы для прикрытія арміи, а провіантъ защищалъ Глѣбовъ. (Ген.-лейт. Лееръ. Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Вел. до нашихъ дней. СПб. 1885 г., стр. 86

Хотинъ называется у нашего автора Хитономъ, Браилловъ—Бруиловымъ, Журжа—Журдонъ, Кагуль—Канаголь и т. д.

Авторъ повѣсти съ похвалою относится къ Румянцеву, называя его „Рисландскимъ Германикомъ“, „который совмѣщаетъ въ себѣ качества и мудраго Нестора и воинственность Агамемнона“. (л. 10 об.). Но главнымъ героемъ кампаніи является все-же Гардарикъ; указываются его дѣйствія при Измаилѣ, который нашъ авторъ называетъ Синилломъ¹⁾, при чемъ, по словамъ повѣсти, подъ начальствомъ Гардарика находится „первая часть войска вождя Рубина“, т. е. князя Репнина. О поѣздѣ Потемкина въ С.-П.-Б. не упоминается, и авторъ непосредственно переходитъ къ кампаніи 1771 г.: „На другое лѣто вождь вождей, провидя въ немъ толикое искусство и храбрость, назначаетъ его начальникомъ надъ отрядомъ войскъ въ Панноніи“ (л. 11). Извѣстно, что Потемкинъ получилъ летучій корпусъ въ Крайовскомъ банатѣ у границъ Венгріи²⁾. Далѣе отмѣчается побѣда Гардарика при Цимбрѣ и участіе въ остальныхъ дѣлахъ этой кампаніи (Красовѣ, Турнѣ). Авторъ обращается къ покореннымъ мѣстностямъ со слѣдующей тирадой:

„Равнины, Истромъ орошаемыя, и бесплодныя юдоли между Водономъ и Никополемъ лежація, вы тутъ зрѣли юнаго Рисландскаго Ахиллеса, Троянъ вашихъ преслѣдовавшаго. Вы чувствовали, какъ грады на васъ воздвигнутые во время шествія его содрагались, вы были самовидцами его непомѣрныхъ трудовъ и неустрашимости. Быстротекущій Истръ, издавна иго Агарянскаго подданства на себѣ носящій, ты видѣлъ, какъ онъ при переходѣ со оружіемъ на обѣ онъ-поль твоего берега плѣналъ и въ пепель обращалъ многія суда и житницы непріятельскія. Какое тяжкое бремя ты ощущалъ тогда, когда онъ многочисленныя христіанскія семьи чрезъ скоротечныя твои воды переводилъ на сей берегъ. Турнѣ! ты и понынѣ носишь раны отъ троекратной побѣды, которую онъ въ десяти дняхъ одержалъ въ глазахъ твоихъ и обагрилъ поля твои кровію твоихъ ратниковъ“ (л. 11—11 об.).

Среди другихъ подвиговъ Гардарика повѣсть подчеркиваетъ его побѣду надъ Турками при Силистріи (начало кампаніи 1773 г.), которую авторъ называетъ древнимъ ея именемъ—Аксиополемъ. Гардарикъ первый открылъ походъ послѣ перемирія „въ самое суровое

¹⁾ См. у Державина: „Стонъ Синилла раздается

Днесъ въ подсолнечной вездѣ“,

и прим. Державина къ слову Синилъ: „Древнее названіе Измаила“. Соч., т. I, стр. 270,

²⁾ Сам., стр. 1001; Над., стр. 97.

время“, командовалъ передовымъ отрядомъ и оставался послѣднимъ на непріятельскомъ берегу.

„Аксиополь! признайся, не съ ужасомъ ли смотрѣлъ ты на многократное чадъ своихъ пораженіе, сильною мышцею сего героя предъ лицомъ твоимъ нанесенное! Не подъ Кароагенскими, но подъ твоими стѣнами видѣлъ ты Рисландскаго Сципіона ратоборствовавшего, видѣлъ какъ онъ, нанося защитникамъ твоимъ смертоносные удары, прободая имъ латы, разсѣкая шлемы и расторгая брони, рѣялъ ихъ въ бездну гибели; видѣлъ окровавленное свое поле, покрытое главами, вѣлѣніемъ его отдѣленными, видѣлъ притомъ, какъ броненосцы твои одни обращались въ бѣгство, а другіе тонули въ рѣкахъ своей крови. Старые воины, приведите себѣ на память то время, въ которое храбрый Вусманъ (ген. Вейсманъ) окруженъ былъ многочисленнымъ непріателемъ, скажите, я васъ вопрошаю: не приобрѣлъ ли и тутъ Гардарикъ славы Парменіона, спасая своего Александра?“ (л. 12).

Разумѣется, вся слава побѣды приписана нашимъ панегирикомъ Потемкину, тогда какъ, по даннымъ военной исторіи, главная заслуга въ дѣлѣ при Силистріи принадлежала генералу Вейсману¹⁾.

Храбрость Гардарика увеличиваетъ милость къ нему монарха, который проситъ „вождя вождей“, т. е. Румянцева, „да сохранить жизнь возлюбленнаго ему Гардарика“. „Агамемнонъ Рисландскій“ хвалитъ „своего Аякса“, но порицаетъ его чрезмѣрную отважность, „ибо Гардарикъ, желая побѣдить или умереть, всюду великимъ подвергался опасностямъ“ (л. 12).

Среди войны государь жалуетъ Гардарика полководцемъ 3-ей степени²⁾; такимъ образомъ, онъ проходитъ всѣ чины на полѣ брани: „не бысть бо въ свѣтѣ добрый начальникъ, иже во свое время самъ повиноватися не приобыкъ; тако во своихъ законахъ глаголетъ монархъ Рисландскій“ (л. 12 об.).

Въ это время монарху понадобился способный министр; выборъ его остановился на Гардарикѣ, въ которомъ онъ видитъ „дарованіе Гектора и Улисса“³⁾. Въ уста Екатерины авторъ влагаетъ слѣдующій призывъ Гардарику: „Пріѣзжай сюда, вѣщааетъ онъ, я посажу тебя близъ престола моего, ты будешь исполнителемъ обширныхъ моихъ

¹⁾ Лееръ, ген.-лейт. Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней. С. П. Б. 85 г., стр. 91—92. Самойловъ, стр. 1004—1008.

²⁾ Въ 1772 г. Потемкинъ получилъ по старшинству чинъ генераль-поручика, Сам., стр. 1004; Над., стр. 28.

³⁾ Энгельгардтъ, стр. 34.

намѣреній, ты будешь моимъ Мильціадомъ, ты будешь вѣщать мнѣ истину, а я тебя отъ твоихъ Истеевъ¹⁾ защищать буду; рука моя заступитъ тя и мышца моя укрѣпитъ тя; во благоволеніи моемъ къ тебѣ вознесется слава моя“ (л. 12 об.) „Гардарикъ съ благоговеніемъ внемлетъ священѣйшему гласу сему“, пріѣзжаетъ въ С.П.Б. и „тутъ начинается эпоха величія Гардарикова“. Гардарикъ становится первымъ любимцемъ государя, который создаетъ „все изъ ничего“, жалуетъ героя „первымъ своимъ стражемъ и притомъ вторымъ по себѣ начальствующимъ надъ полкомъ тѣлохранителей своихъ, вождемъ всѣхъ легкихъ всадниковъ и всего неустроеннаго воинства, блюстителемъ законнаго порядка въ Марсовомъ совѣтѣ²⁾, обременяетъ величественныя чресла его разными украшеніями³⁾, возводитъ на самую высокую степенъ чести и знатности“ и т. д. (л. 13).

Тѣмъ временемъ начинаются переговоры съ Агарянами, которые благодаря совѣтамъ Гардарика, заканчиваются блестящимъ миромъ. Условія Кучукъ-Кайнарджійскаго договора излагаются довольно вѣрно слѣдующимъ образомъ:

„Узаконяется вольность Срацинъ, поставляется для Рисландцевъ свобода плаванія по Скифскому и Ахейскому морямъ и по всѣмъ водамъ, берега владѣній Агарянскихъ омывающимъ; утверждается свобода, безопасность и выгоды всей Скиѣи съ правомъ заступленія за нее Рисландіи; пріобрѣтаются крѣпости Курчунъ (Керчь), Анаколь (Ениколь), Ахиллополь (Кийбурнь) и многія другія пользы“ (л. 13)⁴⁾.

За этотъ миръ государь жалуетъ Гардарика титулъ ярла (графа), свой портретъ и мечъ, унизанный драгоценными каменьями⁵⁾. Послѣ всего этого „уже не робкими ногами вступаетъ онъ въ скользкое прище царедворца, вождя и государственнаго министра“.

„Какая видна сановитость при первомъ шествіи! Какая величавая поступь! Какая отважность! Какая тонкая разборчивость! Какая ловкость въ пріемѣ своихъ, какая искусная увертливость въ обхожденіи

1) „Истей былъ врагъ Мильціадовъ“ (прим. рукописи).

2) 4 Марта 1774 г. Потемкинъ назначенъ ген.-адъютантомъ, затѣмъ подполковникомъ Преображенскаго полка, шефомъ всей легкой конницы и всѣхъ нерегулярныхъ войскъ, ген.-аншефомъ и вице-президентомъ государственной военной коллегіи. Самойловъ, стр. 1017, 1018, 1023. Энг., стр. 34. Над., стр. 60.

3) Въ 1774 г. Потемкину пожалованы ордена Бѣлаго Орла и Александра Невскаго. Сам., стр. 1018. Бант.-Каменскій, стр. 66.

4) Сам., стр. 1020.

5) Сам., стр. 1024; Энгельг., стр. 35: „Жизнь, кн. II-Т.“, стр. 41. Нац., стр. 34.

съ иностранными! Колико видѣ его притомъ скромнѣ и смѣль, важнѣ и снисходителенѣ, страшнѣ и умилителенѣ; нельзя довольно надивиться, чтобъ одинѣ человекѣ являлѣ въ себѣ въ одно мгновеніе столько сопротивныхъ свойствъ“, и т. д. (л. 13 об.).

Гардарикѣ пользуется всеобщимъ уваженіемъ и славою: всѣ „взапуски“ стараются пріобрѣсти его милость; но есть у него и враги. что естественно, „ибо злые добрыхъ ненавидятъ“. „Страшной ропотъ возстаетъ противъ него“, но Гардарикѣ, не смотря на свое могущество, не мститъ никому¹⁾ „и симъ вмѣсто зла творитъ оны благо“. (л. 14).

Далѣе идетъ описаніе необычайныхъ политическихъ способностей Гардарика, его пониманія замысловъ монарха: „Воображеніе его (т. е. государя) даже и то вещетворитъ, что другимъ мечтою представляется, а Гардарикѣ исполняетъ его умоначертанія; искусство и краснорѣчіе его каждаго вразумляетъ въ пользѣ оныхъ“ (л. 15). Довѣріе государя дѣлаетъ тщетными всѣ происки завистниковъ Гардарика; другіе монархи, видя такое довѣріе, тоже оказываютъ Гардарикѣ свое вниманіе: „се уже цари Поросской и Свигтордской украшаютъ чресла его лентами, знаками отличнѣйшихъ заслугъ; императоръ Маркоманскій возводитъ его на княжеское достоинство своей имперіи“²⁾.

Продолжая свою службу отечеству, Гардарикѣ обращаетъ вниманіе государя на то, что „Алане, въ Роксоланской области у самыхъ Бористенскихъ скалъ привитающіе, составляютъ изъ себя ненадежную стражу для отраженія Срацинскихъ набѣговъ“, „что странное ихъ сонмище противоборствуетъ размноженію человѣческаго рода“ (л. 15 об.), ведя холостой образъ жизни и т. д.

Монархъ повелѣваетъ Гардарикѣ разрушить это „сонмище“, что дѣлается имъ „въ полной тишинѣ“, безъ всякаго сопротивленія³⁾. Далѣе Гардарикѣ представляетъ государю проэктъ объ укрѣпленіи Кавказской границы, такъ какъ она на „500 поприщъ“ отъ Муздрака (Моздока) до Таная (Азова) „противъ Серкландцевъ и Верданцевъ совсѣмъ не прикрыта“⁴⁾. Государь подтверждаетъ планъ Гардарика перевести

¹⁾ О немстительности Потемкина, см. Москвитянинъ, 52 г., № 2, стр. 7.

²⁾ Въ 1776 г. Потемкинъ получилъ отъ Шведскаго короля орденъ Серафимовъ; отъ датскаго—орденъ Слона, отъ Прусскаго—Чернаго Орла и отъ Римскаго императора—дипломъ на титулъ князя. Сам., стр. 1205. См. также Энгельг., стр. 35; Над., стр. 34, „Жизнь кн. П.-Т.“, стр. 45; Вант.-Кам., стр. 64.

³⁾ „Сія линія въ 1781 г. положила предѣлъ набѣгамъ, производимымъ горскими народами“. Сам., стр. 1219.

⁴⁾ О положеніи Сѣчи Запорожской см. Сам., стр. 1024—1027.

туда и расположить въ шести станицахъ войско, бесполезно стоящее на р. Ргѣ (Волгѣ); такимъ образомъ обезопасены границы по р. Тарчку (Тереку). Гардарикъ раздаеть земли для поселенія „по линіи Муздрацкой“¹⁾ и тамошніе народы, благословляя государя своего, до небесъ возносятъ имя Гардариково“²⁾ (л. 16).

Покончивъ съ Азіатской гравией, Гардарикъ укрѣпляетъ границы со стороны Европы; ибо „Бористенополь тогда не былъ еще построенъ, Верданъ (Кубань), лишь только присоединился къ Рисландіи, Серкляндцы и горцы были въ соединеніи съ Срацинами, а царь Иверскій былъ подъ игомъ Агарянскимъ; сверхъ того Рисландія не имѣла тогда ни пристаней и кораблеополченій на Скиѣскомъ морѣ, слѣдственно весь полуденный край подверженъ былъ всегдашней со стороны мятежныхъ Срацинь опасности“ (л. 16 об.).

Гардарикъ усмиряеть мятежи Татаръ на Югѣ³⁾, и, получивъ намѣстничество въ полуденномъ краѣ, занимается его колонизаціей; строитъ укрѣпленные города. Въ частности на 8 поприщъ отъ устья Бористена возникаетъ древній Херсонесъ. Тамъ мгновенно создается флотъ, и начинается промышленность⁴⁾.

Посредствомъ разумной тактики Гардарикъ удается присоединить „древнее царство Митридатово и всю Вердавскую страну“; уничтоживъ „гнѣздо хищниковъ“, Государь „нарѣцаетъ новопріобрѣтенное царство древнимъ его названіемъ Цимбромъ“, а Гардарика „жалуетъ верховнымъ военачальникомъ“⁵⁾ и повелѣваетъ заготовить похвальный ему свитокъ съ изясненіемъ на ономъ великихъ его заслугъ ему; и отечеству оказанныхъ“ (л. 17 об.). Постройка Севастопольской гавани „на 6 поприщъ въ длину и 2 въ ширину“⁶⁾, приглашеніе въ Новороссію колонистовъ изъ другихъ государствъ съ освобожденіемъ отъ податей на 6 лѣтъ⁷⁾

¹⁾ Сам., стр. 1211—1212.

²⁾ „Такимъ образомъ, обселили отставные и заслуженные воины и благословляли императрицу за дарованныя имъ выгоды жизни и благоденствіе“. Сам., стр. 1213.

³⁾ Сам., стр. 1208—1211.

⁴⁾ См., стр. 1215.

⁵⁾ О покореніи Крыма въ 1782 г., см. у Сам., стр. 1219—1225. Баят.-Каменскій, стр. 66.

⁶⁾ „...Положилъ онъ основаніе Севастопольской гавани для вмѣщенія многочисленнѣйшаго возможнаго флота, по природѣ удобной“. Сам., стр. 1229.

⁷⁾ „Земли тамошнія размежевывались и отдавались, а особливо чиновникамъ оной губерніи. Привилегіи, данныя о десятилѣтнемъ увольненіи отъ платежа поземельныхъ и другихъ податей, привлекли туда много охотниковъ“. Сам., стр. 1211; Записки Сегюра, стр. 193.

и т. п.,—все находитъ себѣ мѣсто въ описаніи нашего автора. О путешествіи Екатерины упомянуто лишь вскользь: клеветники предупреждаютъ монарха противъ Гардарика, находя его пріобрѣтеніе вреднымъ для Россіи; государь при своей побѣдкѣ убѣждается въ противномъ, „нарицаетъ“ Гардарика „въ память потомству“ княземъ Цимбрскимъ¹⁾, „дастъ ему полную власть“ надъ этимъ краемъ и „отъѣзжаетъ въ Гиперборейгъ“.

„Но въ то время когда Рисландцы уже готовы были ухватиться за тѣ самыя вѣтви, какія нѣкогда срывали Итальянцы, обладая симъ царствомъ, искра войны тлѣлась въ пеплѣ. Тутъ завистливые иноплеменники раздуваютъ оный, дабы при сильномъ возгорѣніи похитить нѣкоторыя развалины“ (л. 18 об.).

„Агаряне“ требуютъ возвращенія Цимбрскаго царства, не поддаются разумнымъ доводамъ Гардарика и объявляютъ войну. Рисландскій государь, не желавшій этой войны, вручаетъ теперь свой мечъ вождямъ Германику и Гардарикку: „идите, вѣщаетъ онъ, съ симъ мечемъ слѣдами тѣхъ самыхъ побѣдъ, коихъ свѣтъ хранить память, а непріятель носить свѣжія раны“ (л. 19), и войско дѣлится на двѣ части²⁾.

Не останавливаясь на детальномъ изложеніи хода кампаніи, которая разобрана у нашего автора очень подробно, упомянемъ лишь о нѣкоторыхъ ея эпизодахъ.

Какъ участники войны упоминаются въ повѣсти вождь Совранъ (Суворовъ), мореходецъ Саксанъ (Сакенъ)³⁾, вожди Ниссей⁴⁾ и Полжонь⁵⁾, Алексеонъ (контръ-адмиралъ Алексіано), Парсамонъ⁶⁾ и пр.

¹⁾ Храповицкій, стр. 38—39: 8-го Іюня, 1787 г.

²⁾ „Русскіе предполагали выставить двѣ арміи: одна (Екатеринославская) фельдм. кн. Потемкина, силою около 7000 чел., назначалась для обороны Крыма и для вторженія въ предѣлы Турціи вдоль западнаго берега Чернаго моря, при этомъ она должна была овладѣть Очаковомъ; другая армія (Украинская) фельдмарш. гр. Румянцева, въ 3000 чел., назначалась для связи между Австрійской арміей и арміей Потемкина для охраны пространства отъ Кіева до Хотина и для прикрытія тѣла Екатеринославской арміи со стороны Польши“. Лееръ, стр. 96. Энгельг., стр. 53.

³⁾ О геройской гибели кап. Сакена см. у Энгельгардта, стр. 65, и у Сегюра, стр. 243.

⁴⁾ Очевидно, принцъ Нассау-Зигенъ, адмиралъ, командовавшій флотиліей. Энг., стр. 58.

⁵⁾ Несомнѣнно, контръ-адмиралъ Поль-Джонсъ. Энг., *ibid*; Сегюръ, стр. 293; Храповицкій называетъ его Поль-Жонесъ. 26 Октября 1788 г., стр. 180. Въ „Жизни П.-Т.“ Павелъ Жонесъ, стр. 120—121.

⁶⁾ Этого имени намъ не удалось раскрыть.

Любопытно разсужденіе автора о необходимости завоеванія Очакова: „Сколько Фракія ощущала важности въ охраненіи сего мѣста, столько Гардарикъ съ своей стороны предвидѣлъ пользы въ завоеваніи онаго. Онъ зналъ, что по отнятію Ольбіона (Очакова) Рисландія останется владычицею со всѣхъ сѣверныхъ сторонъ надъ Скиескимъ моремъ, Бористенополь приведенъ будетъ въ безопасность, и для кораблеополченія Агарянскаго никакого не будетъ пристанища, откуда бы они могли беспокоить Цимбръ. Итакъ, Гардарикъ твердо предполагаетъ завоевать сію крѣпость, но прежде всего надлежало доставить безопасность Цимбру и прикрыть Ахиллополь“ (л. 28 об.). Гардарикъ поспѣваетъ вездѣ, но враги приписываютъ „несмысленное коснѣніе его во взятіи Ольбіона его нерадѣнію“, не понимая того, что Гардарикъ стремится къ наименьшему кровопролитію. Наконецъ „утомленъ будучи толикимъ упорствомъ“ Агарянскаго начальника „въ самое суровое зимнее время, въ которое обыкновенно Агаряне любятъ нѣгу, а Рисландцы труды, велить на Ольбіонскую ограду и на мѣсто учинить главный приступъ. Тутъ Рисландскіе воины, оживотворяемые будучи мужествомъ своего вождя, являютъ чудеса храбрости“ (л. 28 об.). Очаковъ взять, градоначальникъ приведенъ къ Гардарику, который сперва упрекаетъ его за упорство, но потомъ прощаетъ его усердіе къ своему государю и милостиво отсылаетъ его въ Гиперборейгъ¹⁾. Гардарикъ самъ ѣдетъ въ Гиперборейгъ, оставивъ начальство вождю Меллердону (ген. Меллеру). Вездѣ по пути его торжественно встрѣчаютъ; въ Гиперборейгѣ дивятся его подвигамъ, а государь. „видя, что сей его любимецъ сталъ красой его славы“, „возлагаетъ на главу его побѣдоносный вѣнецъ лавровый, драгоценными камнями изукрашенный, препоясуетъ рамена его лентіемъ, знаки побѣдъ носящимъ“²⁾ (л. 29).

Въ это время Германикъ слагаетъ съ себя начальство, которое государь передаетъ Гардарику, дѣлая его „вождемъ вождей“. „Несмысленные и злобные люди“ начинаютъ тотчасъ клеветать на Гардарика. „будто вождь Германикъ приносилъ жалобу Маркоманскому императору на худое состояніе ввѣренныхъ ему войскъ“ (л. 29). Повѣсть опровергаетъ эту клевету. Войска располагаются на зимнія стоянки въ Роксоланской области и въ Малой Рисландіи³⁾, а Гардарикъ, вернув-

1) О дѣйствіяхъ капитана-наши и объ обстоятельствахъ осады (зима, морозы и пр.) см. Сам., стр. 1250—52; 1257—59 (сравненіе съ Минихомъ).

2) О наградахъ Потемкину см. Сам., стр. 1262. Над., стр. 69. Энг., стр. 72. Храповицкій, 13 Іюня 1788 г., стр. 106—107; 16 дек. 1788 г., 214 стр.; 14 Апрѣля 1789 г., стр. 274.

3) О стоянкахъ войска у Елисаветграда см. Сам., стр. 1261.

шись съ началомъ весны къ арміи, посѣщаетъ всѣ города и въ Севастополѣ ускоряетъ вооруженіе флота.

Кампанія 1789 г. опять разсказана детально; тутъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ является опять Совранъ, затѣмъ вождь Рубинъ (князь Репнинъ), полководцы Потемонъ (ген.-поручикъ Потемкинъ), Семилъ (ген. Самойловъ), Гудонъ (очевидно, Гудовичъ).

Авторъ приводитъ нѣсколько эпизодовъ, характеризующихъ храбрость и благородство Гардарика. Такъ „Гардарикъ, самолично присутствовавшій при семъ дѣйствіи, весь покрытый пылію и пѣтомъ, на полѣ сраженія, слѣзаетъ съ коня своего и на травѣ предается отдохновенію. Въ сіе самое время предводятъ предъ него плѣннаго Агарянскаго полководца. Сей со трепетомъ вручаетъ ему мечъ свой, а Гардарикъ, послѣдуя чувствамъ кроткаго своего монарха, повелѣваетъ ему паки препоясать оный по бедрѣ своей. Тако великіе люди и среди самыхъ раздраженій удерживаютъ гнѣвъ свой и милуютъ враговъ своихъ“ (л. 34). Далѣе приводится извѣстный анекдотъ, какъ около Гардарика при осадѣ Бендеръ упало ядро¹⁾ (л. 35), затѣмъ разсказъ о томъ, какъ въ 15 шагахъ отъ него убило казака²⁾ (л. 35 об.).

Гардарикъ основываетъ больницы и житницы, самъ посѣщаетъ ихъ, усиленно заботится о войскѣ, стараясь производить походы лишь въ прохладную пору. Любопытно описаніе торжества по поводу взятія Аккермана: „Се былъ день его тезоименитства. При сей обоюдной радости открываетъ онъ зрѣлище чрезвычайное. Во вниманіе на сіе представить себѣ должно кругъ, на цѣлое поприще въ четвероугольникѣ простирающійся, наполненный шестью тысячъ народовъ различныхъ происхожденіемъ, языкомъ, лицомъ, нравами, одѣяніемъ и вѣрою, ибо тутъ были Агаряне, Срацыны, Сиѳиніане, Пафлогонцы, Египтяне, Аравляне, Сиріане, Армяне, Израильтяне, Скиѳы и Рисландцы; сіи разныя племена, въ полномъ будучи согласіи, разнымъ предаются увеселеніямъ“³⁾ (л. 36). „Агаряне, узнавъ, что это былъ праздникъ Гардариковъ, въ великомъ множествѣ толпятся окрестъ шатра его и тщатся увеселять его своимъ бряцаніемъ на мусикійскихъ орудіяхъ, своимъ плясаніемъ, своимъ пѣснопѣніемъ и своими шутками“ (л. 36 об.).

¹⁾ Сам., стр. 1565; Собр. анекдотовъ, стр. 31. Над., стр. 71—72. Бант.-Каменск., стр. 76.

²⁾ Бантышъ-Каменскій, стр. 69.

³⁾ См. Жизнь кн. П.-Т., ч. II, стр. 59, прим. 40.

Описывая сдачу Бендеръ, авторъ отмѣчаетъ, что Гардарикъ отпускаетъ болѣе 1000 повозокъ въ Синиллу и этимъ внушаетъ любовь и уваженіе къ монарху¹⁾.

Авторъ описываетъ г. Бендеры и рассказываетъ случай съ Агарянскимъ плѣнникомъ²⁾, повторяемый опять въ „Собраніи анекдотовъ“.

„Пятнадцать плѣнныхъ Агарянъ, разбивъ Рисландскую стражу, къ своимъ ушли. Они были паки взяты и приведены. Гардарикъ повелѣваетъ представить предъ себя ихъ чиновника и, укоряя въ толь дерзкомъ предпріятіи, вопрошаетъ его, „что вашъ верховный начальникъ сдѣлалъ бы съ Рисландскимъ чиновникомъ, ищущимъ бѣгства такимъ образомъ?“ Агарянинъ трепещущимъ гласомъ отвѣтствуетъ: „верховный нашъ начальникъ велѣлъ бы отрубить голову такому человѣку“. „А я тебѣ, сказалъ Гардарикъ, прощаю“ (л. 38 об.).

„Вотъ какъ кончился походъ третьяго лѣта подъ предводительствомъ мудраго Гардарика, походъ поистинѣ чудный, который возвеличилъ славу героя Рисландскаго; надобно быть божественному разуму, который произвелъ планъ сей, надобно быть и чрезвычайной твердости духа, которая съ толикимъ успѣхомъ привела его въ исполненіе“ и т. д. (л. 38 об.).

Изъ кампаніи 1790 г. авторъ повѣсти отмѣчаетъ мирные переговоры союзниковъ-Австрійцевъ³⁾, самоубійство Гассана-паши⁴⁾, образъ жизни Гардарика, его „увеселенія“⁵⁾, и подробно повѣствуетъ о взятіи Измаила. Государь, при вѣсти объ этой побѣдѣ, „хваля и благодареніе вознося ко Всевышнему“, воздаетъ справедливость заслугамъ каждаго, объявляя таковую же и Гардарикъ, „который былъ истиннымъ виновникомъ таковой славы. Онъ велитъ отличные и государству полезныя подвиги его ознаменовать на хартіяхъ; сверхъ того, на вѣчную память заслугъ его воздвигнуть ему великолѣпную храмину и предъ оною соорудить памятникъ съ изображеніемъ завоеваній и побѣдъ, подъ его руководствомъ одержанныхъ⁶⁾. Такою славою увѣнчалъ Гардарикъ и четвертый свой походъ“ (л. 42). Сдѣлавъ приготовленія къ 5-му походу, Гардарикъ отправляется въ Гиперборейгъ, гдѣ государь встрѣчаетъ его благосклонно и осыпаетъ милостями.

1) Жизнь кн. П.-Т., ч. II, стр. 39.

2) Собраніе анекдотовъ, стр. 31—32.

3) Сам., стр. 1546.

4) Над., стр. 79.

5) Энг., стр. 81—82, 88—89; Жизнь кн. П.-Т., ч. II, стр. 80—84.

6) Дневникъ Храповицкаго, стр. 245: 26 января 1789 г.

Въ благодарность Гардарикъ устраиваетъ пышное празднество, не взирая на то, что надъ Рисландіей нависли тучи со стороны Европы.

„Среди же сихъ угрозъ царь Рисландскій возносится своею мудростію, своими побѣдами, своими правами и своимъ Гардарикомъ“ (л. 42 об.). Описание Потемкинскаго празднества явно заимствовано изъ Державина; такъ напр.

Л. 44—44 об.

По прибытіи его (т. е. государя) *взырала трубы и открылся народный пирь*¹⁾; тутъ Гардарикъ представилъ разные дары, всякое ястіе и питіе; *отъ радостныхъ восклицаній народа въ честь монарху* воздухъ сотрясается. Едва государь *возсѣлъ на приутованное ему мѣсто*, вдругъ мусикійскія орудія, *тремя стами пѣнопѣвцевъ* бряцаемыя, по чертогамъ простерли сладкогласованіе. Въ сіе время пышные хороводы, изъ юныхъ нимфъ, юныхъ Рисландскихъ полубоговъ и героевъ составленные, открываютъ торжество Сармацкимъ плясаніемъ; ихъ одѣянія и многоцѣнныя каменія, *за десять миліоновъ талантовъ простирающіеся*, всѣхъ жителей изумляютъ“ и т. д.

У Державина:

Наконецъ прибылъ дворъ. Въ самое то время, на устроенномъ нарочно противъ дома амфитеатрѣ, украшенномъ зеленью, *взырала трубы, и открылся пирь для народа*. Представлены были въ даръ ему разнаго рода одежды, всякое съѣстное и сладкіе напитки. *Повсюду раздавалось восклицаніе въ честь и славу* все милостивѣйшей обладательницы; простосердечное ура наполняло воздухъ... Какъ скоро высочайшіе посѣтители *соизволили возсѣсть на приутовленные имъ мѣста*, то вдругъ загремѣла голосовая и инструментальная музыка, изъ *трехъ сотъ человекъ* состоявшая. Торжественная гармонія разлилась по пространству залы. Выступилъ отъ алтаря хороводъ, изъ двадцати четырехъ паръ знаменитѣйшихъ и прекраснѣйшихъ женъ, дѣвицъ и юношей составленный. Они одѣты были въ бѣлое платье столь великолѣпно и богато, что однихъ брильянтовъ на нихъ считалось *болѣе нежели на десять миліоновъ рублей*²⁾.

Любопытна рѣчь, которую авторъ повѣсти влагаетъ въ уста Гардарика, привѣтствующаго государя:

„Оставь на мало время, оставь престоль, на коемъ окружающее тебя сіяніе являетъ взоромъ божество. Иди, да прилѣпленные ко стопамъ твоимъ пріятности и смѣхи умѣрятъ священнѣйшее величіе твоего чела. Окруженъ ближними твоими, явись купно съ сыномъ и дще-

¹⁾ Курсивъ въ обѣихъ цитатахъ нашъ.

²⁾ Державинъ, Г. Р. Описание Потемкинскаго праздника. Сочиненія (подъ ред. Грога). СПб. 1868 г., т. I, стр. 264—299.

рію, да отъ лица ихъ наипаче украсятся сіи мѣста, и да присовокупятъ они къ твоему и свое благоволеніе; ибо присутствіе ихъ вселяетъ повсюду сладкое веселіе и невинныя забавы.

Грядеть! Истоци жъ, небесная гармонія, истоци днесь чарованія свои; потщитесь и вы прелестныя игры новымъ зрѣлищемъ сіе торжествомъ прославить. Развеселите обширныя мысли его, да посредѣ васъ великій монархъ нашъ почивъ, забудеть хотя на нѣсколько мгновеній тяжкое правительства бремя. Самъ ли се монархъ Рисландскій? Какъ возмогъ онъ, низшедъ съ верховъ превознесенной славы, предатися таковой праздности? И время ли ему, возвѣшивающему десницею жребіи царствъ изумленныхъ, прогуливаться днесь по цвѣтамъ! Когда соединенная Греція смиряла древле Ахейскія племена, знаменитыя побѣды оныя возвѣщаемы были торжествами, и блаженный Аѳинейскій народъ окружалъ небесной владычицы своей алтари плясаніемъ по гласу чиновъ благородныхъ, Минерва, нисходя тогда съ небесъ, являлась взорамъ людей своихъ и отлагала величіе божества купно со страшнымъ онымъ копіемъ, коимъ она въ преславный мщенія своего день сокрушила дерзновенныхъ Титановъ, присутствіемъ своимъ игры ихъ освящала. Подобно тому и на долины Алимѣнскія во времена древнихъ празднествъ нисходилъ соборъ боговъ ущедритъ воззрѣніемъ своимъ смертныхъ, какъ между тѣмъ бдительная ихъ о благѣ мира премудрость непрестанно связъ вѣчныхъ судебъ управляла. О ты, силою божественнаго ума объемлющій безконечную цѣпь дѣяній вселенныхъ, ты, коего царствованіе возобновляетъ блаженные дни самодержавія безсмертныхъ! единъ ты имѣешь даръ являть паки тѣ же чудеса и великія намѣренія твои стремить колико въ неусыпныхъ трудахъ, толико же и посредѣ веселій. А вы, сладчайшимъ радованіемъ напоенныя юноши и дѣвы, любезныя чада имперіи блаженной, предайте сердца ваши необыкновенному забавъ восторгу, усугубьте предъ очами владыки своего веселое игръ и плясаній зрѣлище, которое онъ присутствіемъ своимъ украситъ благоволилъ. Вскорѣ, объявъ помышленіями образъ единой славы, паки воспріиметь онъ и скипетръ, и трезубецъ; тако блистающее свѣтило міра то цвѣтами покрываетъ землю, то огонь гремящихъ перуновъ питаетъ. Но когда благонадежно протекаешь ты неизмѣримое поприще возложенныхъ на тебя трудовъ безсмертныхъ, воззри, о августѣйшій благотворитель мой, воззри окомъ благостыннымъ на сіе усердія моего усиліе, устремленное токмо, да благоволеніе твое приобрящу. Молю снисхожденія твоего; ибо можетъ ли всякая благодарность моя уравниваться владычнымъ твоимъ ко мнѣ щедротамъ! Какое могу воздать тебѣ чествованіе? Самъ я есмь твореніе твое; и власть и

жребій мой суть дѣла руку твою. Благоволи жъ да попирающему тебѣ препоны и геройски стремящемуся во слѣдъ твоихъ чудесъ, усыплю хотя путь твой цвѣтами. Но стократъ блаженъ буду, когда посвященная славѣ твоей жизнь моя возможетъ поспѣшить и къ возвеличенію счастливыхъ твоихъ судьбъ! „Симъ-то гласомъ усердія Гардарикъ встрѣчалъ своего монарха“ (л. 43—44).

Въ то время, когда Гардарикъ предавался увеселеніямъ въ Гиперборейгѣ, на театрѣ войны вождь Гудонъ нанесъ врагамъ ударъ взятіемъ г. Оноба (Анапа) и Суджонъ (вѣроятно, Суджукъ-Кале)¹). Гардарикъ же принужденъ былъ задержаться въ Гиперборейгѣ, ибо туда прибыли послы отъ Каледонскаго (Англійскаго) государя съ переговорами о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Императоръ даетъ Гардарику наставленіе, и этотъ мудрой рѣчью отвергаетъ всѣ проекты (рѣчь Гардарика—л. 45 об.). По окончаніи этого дѣла Императоръ отправляетъ Гардарика въ Дацію для заключенія мира съ Агарянами: „Сей въ полномъ будучи удостовѣреніи, что онъ тамъ славную войну сію увѣнчаетъ славнымъ миромъ, немедленно туда отлетаетъ“ (л. 46), но по пути узнаетъ, что переговоры о мирѣ уже начаты на слѣдующихъ условіяхъ: р. Тирсъ (Днѣстръ) граница обоихъ государствъ, всѣ завоеванныя земли будутъ возвращены Агарянамъ²). Для Гардарика это извѣстіе является ударомъ³), ибо онъ предполагалъ довести границу до р. Истра (Дунай) и далѣе г. Оноба, ибо „въ 20-ти часахъ“ отъ послѣдняго находятся серебряные рудники „между владѣніями Шаптунъ Илбазенъ“, (л. 46), которые въ былое время обогащали Итальянцевъ, владѣвшихъ Цимбромъ. Однако, Гардарикъ скрываетъ свою скорбь, отпуская гонца далѣе въ Гиперборейгъ щедро награжденнымъ.

Гардарикъ прибываетъ въ Дацію, и здѣсь „преждевременная смерть юнаго вождя Вартенбурга, родственника царева, поражаетъ сердце его“ (л. 46 об.) Повѣсть наша рассказываетъ извѣстный анекдотъ о томъ, какъ Потемкинъ съѣлъ по ошибкѣ на погребальную колесницу⁴), влагая ему въ уста слѣдующую тираду: „можетъ быть, скоро и меня на сихъ мертвоносныхъ возилахъ отправятъ туда, куда сейчасъ свезли мы нашего сподвижника“.

¹) Самойловъ, стр. 1554; Жизнь кн. П.—Т., стр. 116; Дневникъ Храповицкаго, 2-го іюля 1790 г., стр. 366.

²) Лееръ, стр. 114. Над., стр. 92.

³) Энгельг., стр., 95.

⁴) Энгельг., стр. 96; Жизнь кн. П.—Т., ч. III, стр. 67. Над., стр. 94. Бант.-Кам., стр. 92.

Это предчувствіе Гардарика оправдывается; онъ заболѣваетъ, говорятъ, что отъ избытка „тучныхъ явстій“, но вѣрнѣе, заключаетъ нашъ авторъ, отъ государственныхъ хлопотъ и послѣдней неудачи: „съ того самаго времени онъ какъ воскъ таять началъ“. Гардарикъ не лечится, „отъ юности бо своей имѣлъ великое къ зеліямъ отвращеніе¹⁾“; (л. 47) ему помогаютъ единственно небольшіе переѣзды съ мѣста на мѣсто. Потомъ и это не помогаетъ, невоздержанность въ пищу усиливаетъ болѣзнь; Гардарика постоянно одолѣваетъ сонъ, и онъ просить будить его, опрыскивая водой²⁾. Въ это время „изъ Никополата (Николаева) пріѣзжаетъ къ нему старый его любимецъ“ — Хваланосъ (въ ключѣ „Хвалеевъ“ — Фалѣевъ³⁾) „изъ пыли на знатную степень чести имъ возведенный“ (л. 47). Гардарикъ, обрадованный его посвѣщеніемъ, велитъ поднять занавѣси на окнахъ и находитъ своего пріятеля посвѣжѣвшимъ; послѣдній объясняетъ это воздухомъ Никополата. Гардарикъ рѣшаетъ поѣхать туда, но, чувствуя близость смерти, онъ дѣлаетъ всѣ необходимыя для войска распоряженія; вызываетъ въ Дацию Цимбрскаго военачальника⁴⁾ и „веселыми стопами исходитъ изъ своихъ чертоговъ“, садится въ колесницу вмѣстѣ съ врачомъ и ѣдетъ. Окна въ колесницѣ подняты, Гардарикъ не хватаетъ воздуха, и когда врачъ не соглашается открыть ихъ, „Гардарикъ тотъ часъ опровергаетъ сіе упорство сокрушеніемъ стеколъ“ (л. 47 об.). Дѣйствительно, начинается сквозной вѣтеръ, и врачу удается уговорить Гардарика перейти въ открытую колесницу. „Первая усадьба въ 30-ти поприщахъ отъ Дации отстоящая⁵⁾, была его ночлегомъ“; Гардарикъ почувствовалъ себя лучше, велѣлъ присутствовавшимъ разговоривать, и самъ принялъ участіе въ бесѣдѣ о „возлюбленномъ чадѣ своемъ градѣ Никоплатѣ. Его онъ видитъ, о немъ помышляетъ, въ его объятія мысленно стремительный полетъ свой направляетъ; ему кажется, что самая смерть, возрѣвъ на юность чада сего, имъ порожденнаго, укротится и опуститъ подъятую на него косу свою“ (л. 47 об.). Ночь казалась очень длинной, и Гардарикъ съ нетерпѣніемъ ждалъ разсвѣта. Настало утро „весьма влажное“, но,

¹⁾ Москвит., 1852 г. № 2, стр. 21: О частной жизни Потемкина (рукопись совр.).

²⁾ Сам., стр. 1557; Энг., стр. 97.

³⁾ Сам. указываетъ слѣд. лицъ, присутствовавшихъ при послѣднихъ минутахъ князя: гр. Браницкая, полк. Бауръ, докторъ Фалѣевъ (о немъ стр. 1218.—1219). Русск. Арх., 67 г., стр. 1558.—Въ донесеніи В. С. Попова императрицѣ упоминается еще кн. С. Ѳ. Голицынъ, ген.-маіоръ Львовъ, штабъ-лекарь Санковскій и д-ра Тиманъ и Массоръ. Р. Арх. 78 г., I, стр. 22—23.

⁴⁾ Энг., стр. 98.

⁵⁾ См. Р. Арх. 78 г., I, стр. 23: „Изъ донесеній В. С. Попова Екатерины II-й о болѣзни и кончинѣ кн. Потемкина“.

не взирая на это, Гардарикъ отправляется въ путь. Онъ чувствуетъ себя очень плохо и три раза останавливается на разстояніи 7-ми поприщъ¹⁾.

„Наконецъ бьетъ часъ смертный“; Гардарикъ велитъ вынести себя на „чистое поле“, гдѣ его бережно и кладутъ. „Великій Гардарикъ среди плача и рыданія, возведъ очи свои на небо, возопилъ гласомъ велимъ—умираю! и тотъ часъ предалъ духъ свой въ руцѣ Божіи²⁾. Какое тутъ трогательное представляется зрѣлище: Гардарикъ лежитъ бездыханенъ, земля одръ его, а небо покрывало, окрестъ его стоящія, поникнувъ выи свои, рѣки слезъ проливаютъ“ (л. 48). Гонецъ отправляется въ Дацию съ вѣстью о смерти Гардарика. „Какая скорбь тамъ каждаго объемлетъ: сѣтуетъ Скиѣъ, толико имъ покровительствуемый, стенаетъ воинъ, толико имъ любимый, воздыхаетъ Сармать, чрезъ него Рисландіи усыновитися надѣявшійся, жалѣетъ о немъ побѣжденный Агарянинъ, яко о великодушномъ и челоуѣколюбивомъ побѣдителѣ. Вотъ сколько добродѣтельному мужу сердечныхъ памятникѣвъ“ (л. 48). Другой гонецъ отправляется въ Гиперборейгъ къ государю.

Тѣло Гардарика переносятъ въ Дацию, причемъ по вскрытіи оказывается, что онъ умеръ отъ „скопленія желчи“ (л. 48 об.) „Какой необыкновенной величины обрѣтаютъ въ немъ сердце! Но великое великому и свойственно, сіе то самое сердце было вмѣстилищемъ тѣхъ обильныхъ и сильныхъ чувствій, кои руководствуя его къ произведенію въ дѣйство великихъ намѣреній царевыхъ, содѣлали его великимъ“ (л. 48 об.).

Погребеніе Потемкина описано у нашего автора сходно съ другими біографами³⁾, но онъ вноситъ въ него, въ отличіе отъ другихъ, лирическій элементъ: „Какая печальная картина тутъ представляется: храбрые воины, поникнувъ побѣдоносныя выи свои неутѣшною возмущаются горестью, токи слезъ лютяся изъ очей ихъ; сіи слезы суть самый убѣдительнѣйшій доводъ любви, благодарности и приверженности къ нему всего войска, сколь много чести приносятъ они памяти и праху военачальника“ (л. 49). „Отсюда обратимъ мысленный взоръ нашъ на государя, уже получившаго вѣдомость о кончинѣ возлюбленнаго ему

¹⁾ Надгробная надпись кн. Потемкину въ монастырѣ Голін въ Яссахъ гласитъ, что онъ скончался въ 37 верстахъ отъ г. Яссы. Р. Арх. 96 г., т. III, стр. 211: „Достопамятная церковь въ Яссахъ“ А. И. Яцимирскаго.

²⁾ Послѣднія слова Потемкина, по Самойлову: „прости, милосердная мать-государыня“ (стр. 1558). Энг., стр. 98. Въ донесеніи В. С. Попова только: „испустилъ духъ свой“. Р. Арх. 78 г., I, стр. 23.

³⁾ Жизнь кн. П.-Т., ч. III, стр. 1—13. Энг., стр. 101—105.

Гардарика. Громовый гласъ поражаетъ сердце его; чѣмъ извѣстнѣе было ему его усердіе на пользу отечества и славу его оказанное предъ свѣтомъ знаменитыми заслугами, тѣмъ разительнѣе былъ для него гласъ, возвѣстившій о кончинѣ Гардариковой¹⁾ (л. 49). Раздѣляя скорбь войска по его вождѣ²⁾, государь обращается къ нему со слѣдующей рѣчью:

„Герои Рисландскіе, вы лишились въ государствѣ вождя мудраго, а я ревностнаго и искусства исполнителя моихъ намѣреній, проходите служеніе ваше съ тѣмъ усердіемъ и радѣніемъ, какое онъ всегда вамъ внушалъ, исполняйте же узаконенія мои съ точностію, блюдите воинскій порядокъ и подчиненность яко сущее основаніе службы и залогъ побѣдъ. Сохраните навсегда честь оружія моего и во всякомъ случаѣ грядите тѣмъ путемъ побѣдоноснымъ, имъ же и предки ваши и вы шествовали“ (л. 49 об.).

Но въ средѣ враговъ Гардарика смерть его вызвала всеобщую радость. „Лишь только молва о смерти его коснулась слуха невѣждъ несмысленныхъ, уже они толпами стекаются по стогнамъ, уже несказанная радость печатлѣется на лицахъ ихъ при словахъ: „онъ умеръ“³⁾; сердце ихъ отрыгаетъ злобу и языкъ клеветами изощряется; „онъ умеръ, говорятъ они, и вся слава его съ нимъ исчезла; не добродѣтелями бо, но счастіемъ толико ему благопріятствовавшимъ стяжалъ онъ себѣ величіе; успѣхи оружія надули сердце его гордынею и презрѣніемъ ко всѣмъ людямъ, его тщеславіе содѣлало народъ Рисландскій ненавистнымъ всему свѣту; онъ былъ честолюбивъ до ненасытности, высокомѣренъ до безмѣрности, онъ ухищреніемъ пріобрѣлъ великую сласть и похитилъ чуждую славу, онъ безпрестанно утопалъ въ роскошахъ, забавахъ и сладострастіи, онъ обращался съ богатыми и сластолюбивыми Акціанами(?), онъ только родственниковъ и любимцевъ своихъ выводилъ во знатные чины и поручалъ имъ въ управленіе важныя государственныя должности“ (л. 50). „Простодушные граждане“, слыша эти толки, тоже „пріобщаются къ сонму злоязычниковъ“, но тутъ проходитъ мимо „нѣкій старецъ“ пустынножитель, „частый собесѣдникъ Гардариковъ“. Возмущенный подобнымъ невѣжествомъ, старецъ „возопилъ гласомъ велиимъ: „Господи, отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что глаголятъ“ и обратясь къ толпѣ сказалъ: „несмысленные, удержите языкъ вашъ отъ зла: не должно порицать того, кто 52 лѣта былъ

¹⁾ Сам., стр. 1560—61; Храповицкій: 1791 г.; окт. 12, 13, 16., стр. 377—78. „Осмнадцатый Вѣкъ“ П. Бартенева, I, стр. 425 (Письмо Вал. Эстергази).

²⁾ Энг., стр. 100; Жизнь кн. П.—Т., ч. II, стр. 132—133.

³⁾ „Осм. Вѣкъ“, I, стр. 425.

добродѣтеленъ, кто сряду 30 лѣтъ былъ полезенъ отечеству, кто 20 лѣтъ былъ исполнителемъ великихъ намѣреній, коимъ блага вы не постигаете, кто во время своего могущества былъ справедливъ, благотворителенъ, великодушенъ, снисходителенъ, кто и въ самыхъ порокахъ своихъ нѣчто имѣлъ тонкое и великое, кто съ толикимъ искусствомъ пальмы отечественной славы собирать умѣлъ; стрѣлы ваши не умертвятъ его, безсмертенъ бо есть. Я вашими устами нѣкогда съ нимъ бесѣдовалъ и вотъ что извлекъ изъ его чувствій. Внемлите оправданіемъ его“ (л. 50—50 об.). Старецъ развертываетъ свитокъ и читаетъ; въ свиткѣ изложена вымышленная бесѣда его съ Гардарикомъ. Авторъ нашей повѣсти заставляетъ старца задавать Гардарикѣ вопросы и упрекать его за различные пороки, а въ уста Потемкина влагаетъ собственную защиту.

Этотъ свитокъ старца резюмируетъ всю повѣсть, являясь апологіей Потемкина. Такъ напр., Гардарикъ говоритъ:

„То кровопролитіе, которымъ меня укоряютъ, есть изъ самыхъ величайшихъ монхъ дѣяній... Сею кровію мгновенно воздвигнуты такія огромныя зданія, какія токмо вѣками зиждутся“ (л. 52). „Великолѣпіе, пышность, любострастіе, роскошь и расточеніе, меня всегда окружающія, суть обыкновенные спутники великихъ людей и великихъ дѣлъ; разуму, непрестанно упражненному, такъ же нуженъ покой и забава, какъ и луку всегда напряженному ослабленіе, дабы не преломился“ (л. 53 об.). „Мое мужество, моя неустрашимость, мое усердіе къ отечеству, моя приверженность къ монарху излетали изъ души моей въ сердца предводимыхъ мною воиновъ“ (л. 55). „По величію дѣлъ моихъ и самые пороки мнѣ позволительны“ (л. 57). „Среди самыхъ угрозъ лишь только блеснулъ моимъ разумомъ, моимъ великолѣпіемъ, моею пышностію, моимъ могуществомъ, всѣ тучи исчезли; тогда всѣ во мнѣ познали, что свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьма его не объять“ (л. 57 об.).

Есть намекъ и на соперничество Потемкина съ Румянцевымъ, котораго Гардарикъ называетъ своимъ Маріемъ: считая заслуги послѣдняго ничтожными, Гардарикъ перечисляетъ всю свою славную дѣятельность и утѣшается мыслью, что потомство оцѣнитъ его. Онъ слышитъ голосъ потомства, взывающаго къ нему: „сынъ мой, помни, что душа твоя безсмертна, имя твое будетъ таково же; имя твое, яко исполнителя великихъ намѣреній при священномъ имени твоего монарха, иссѣчется во храмъ безсмертія, и слава твоя пронесется до позднѣйшихъ потомковъ; когда, напротивъ того, гласъ звучный тысячи земныхъ владыкъ смѣсится съ прахомъ истлѣнія и исчезнетъ въ вѣчномъ мракѣ

праведнаго забвенія, по смерти своей ты паки оживешь; твой разумъ всегда будетъ удивлять и наставлятъ вѣки“ (л. 59 об.).

По окончаніи чтенія граждане познали истину, почувствовали угрызенія совѣсти: „очи ихъ потупляются и выпускають токи слезъ“ (л. 60). Замѣтя произведенное впечатлѣніе, старецъ напутствуетъ гражданъ рѣчью, которую заканчиваетъ словами: „а вы, научась оправданія его, отнынѣ судите о немъ въ правдѣ, да не судимы будете“ (л. 60).

Закончивъ рѣчью старца рассказъ о жизни Потемкина, авторъ повѣсти обращается къ читателямъ съ просьбой отмѣтить полезныя нововведенія Гардарика. Разбираются его заслуги въ военномъ дѣлѣ, въ вопросахъ вооруженія и обмундированія войска¹⁾, въ мореплаваніи; приводится даже отзывъ Гардарика о книгѣ „Военный мореплаватель и инструкція флоту“ (л. 61--62 об.). Въ заключеніе разбираются личныя нравственныя качества Гардарика. „Всякой угнетаемой находилъ въ немъ защитника сильнаго, порода предъ нимъ никогда не блистала, не брала верху надъ достоинствомъ бѣднаго: никогда знаменитаго вельможи сынъ не былъ предпочтенъ простому дворянину или еще такому, который въ семь преимуществъ не родился. Примѣры тому многочисленны. Человѣкъ съ дарованіями всегда въ Гардарикѣ находилъ свою цѣну и себѣ одобреніе“ (л. 63). „Многія тысячи достойныхъ имѣли въ немъ благодѣтеля и руководителя, войско искуснаго и человѣколюбиваго вожда, отечество полезнаго гражданина, церковь усерднѣйшаго сына, Монархъ совѣтника, споспѣшника и друга“ (л. 63). Заслуги Гардарика простираются за его столѣтіе; въ его лицѣ Рісландія лишилась человѣка, „которому подобнаго еще не бывало“. Для памяти о немъ, кромѣ великихъ дѣлъ, остался еще прахъ въ градѣ Бористенополѣ, и предполагается, по приказу государя, построеніе памятника.

Авторъ заканчиваетъ свое повѣствованіе обращеніемъ къ художнику: „Истоци жъ, художникъ, все искусство свое, изсѣки изъ чистаго мрамора сходственный образъ его, да потомки наши удивятся ему и при воззрѣніи на него проліють предъ нимъ токи слезъ благодарныхъ“ (л. 63).

*

Таково содержаніе „Повѣсти о Гардарикѣ“. Неизданная въ свое время²⁾, она осталась въ рукописи и, очевидно, была мало распро-

¹⁾ Энгельг., стр. 40—41; Бант.-Каменскій, стр. 67. Самойловъ, стр. 1226; 1575—1576; Жизнь кн. П.-Т., стр. 73; Мнѣніе кн. Потемкина объ обмундированіи войска (текстъ)—Р. Арх. 88 г., т. III, стр. 364—367.

²⁾ Мы не встрѣчаемъ ее въ указателяхъ Сопикова и Смирдина.

странена; такъ, единственное упоминаніе объ этой повѣсти находимъ (какъ указано выше) въ „Собраніи анекдотовъ“. Ни одинъ же изъ біографовъ Потемкина о ней не знаетъ. Гр. Самойловъ, негодующій на оскорбительныя памяти Потемкина сочиненія¹⁾, несомнѣнно, не оставилъ бы безъ вниманія нашу повѣсть, настолько отвѣчающую его взглядамъ, если-бы она была ему извѣстна. Позднѣйшимъ изслѣдователямъ дѣятельности Потемкина (до Брикнера включительно) „Повѣсть о Гардарикѣ“, повидимому, также не была извѣстна; между тѣмъ, она представляетъ немалый историческій интересъ, какъ апологія великаго временщика, — *современная ему*²⁾. Любопытна она и въ историко-литературномъ отношеніи, какъ попытка созданія въ концѣ XVIII в. Русскаго roman déguisé.

Какъ извѣстно, roman déguisé, т. е. романъ, въ которомъ подъ маской античныхъ или вымышленныхъ героевъ, или даже только ихъ именъ, бывала выведена живая, современная автору, дѣйствительность, процвѣтала во Франціи въ XVII-мъ вѣкѣ³⁾.

Зачатки déguisement встрѣчаются въ романѣ „Astrée“, принадлежащемъ перу Оноре д'Юрфе (1610 г.), гдѣ можно найти нѣкоторые намеки на современныхъ автору историческихъ лицъ: Генриха IV, Маргариту Валуа и др. Дальнѣйшее развитіе романа déguisé находимъ у Гомбервиля („Carithée“, 1621—г.), Кальпренеда („Cléopâtre“ и „Faramond ou l'histoire de France“), и, наконецъ, наиболѣе яркое выраженіе этого типа представляютъ романы m-lle de Ucucléry: „Le grand Cyrus“ (1648—1653) и „Clélie“ (1654—1668).

Подъ Персидской и Римской обстановкой для читателя ясна Франція XVII в., и разгадываніе дѣйствующихъ лицъ не представляло труда

¹⁾ „Вопреки справедливости и благомыслию, по кончинѣ сего великаго мужа появились о немъ исторіи, отъ издателей отечественныхъ и иностранныхъ, изъ которыхъ не было ни одной вѣрной: всѣ сии біографіи не выжили въ существо истинны, а можетъ быть не имѣли и источниковъ, откуда оную почерпнуть; но, слѣдуя преданіямъ, рассказамъ и злословію, разсѣянному отъ враговъ и завистниковъ князя Потемкина, описывали жизнь его невѣрно и оскорбительно“. Р. Арх. 1867 г., стр. 582—583.

²⁾ Въ Р. Арх. 1908 г., т. III, стр. 402—404 г. Л. Мацѣвичемъ напечатана „Эпитафія на смерть его свѣтлости кн. Г. А. Пот.-Таврич.“, анонимный авторъ которой относится крайне враждебно къ кн. Потемкину. Если она, „какъ *голосъ современника*, имѣетъ историческій интересъ“ (Левъ Мацѣвичъ), то еще болѣе цѣненъ голосъ другой стороны, не закрывающей глаза на недостатки великаго человѣка, но умѣющей оцѣнить по достоинству его заслуги.

³⁾ О roman déguisé см. Н. Коертингъ: „Geschichte des französischen Roman im XVII Jahrhundert. Leipzig, 1885. 2-te Abteilung. *Petit de Jullerille. Histoire de la langue et de la littérature française*“. Paris, 1897, t. IV, chap. VII.

для современниковъ. Нѣкоторымъ героямъ присвоены классическія или вымышленныя имена, такъ Конде называется Curgus, m-me de Maintepon—Lyriane и пр.; другія же собственныя имена лишь слегка искажены, такъ вмѣсто Ucarpon имѣемъ Ucaurus, вмѣсто Catherine (de Rambouillet) вошедшую впоследствіи въ моду анаграмму ея имени—Arthenice.

Такому же *déguisement* подвергаются названія мѣстностей. По содержанію Французскій roman *deguisé* представляетъ прихотливое сплетеніе историческихъ фактовъ съ цѣлымъ рядомъ вымышленныхъ событій; богато развита въ немъ также и романическая интрига.

Обратившись къ нашей повѣсти, мы должны отмѣтить въ ней тѣ же авторскіе приемы: въ *déguisement* онъ вводитъ, какъ мы видѣли, имена 1) классическія, 2) искаженныя и 3) вымышленныя. По содержанію же, нашъ roman *déguisé* довольно бѣденъ, не давая никакой посторонней интриги; въ описаніи историческихъ событій, войнъ, и пр., авторъ точенъ до мелочей, вымышлены только рѣчи героевъ и нѣкоторые незначительные факты (напр., рѣчь старца). Такія строгія рамки разсказа легко объясняются задачей автора: цѣлью его творчества являлось не предоставленіе занимательнаго чтенія современникамъ, а *оправданіе* уважаемаго имъ лица; поэтому совершенно понятно стремленіе показать Потемкина съ привлекательной стороны именно на фонѣ удостовѣренныхъ историческихъ событій.

Кто былъ авторомъ повѣсти, мы не имѣемъ никакихъ указаній; несомнѣнно, однако, что это было лицо, хорошо знавшее Потемкина, участвовавшее въ Турецкихъ войнахъ и присутствовавшее при его кончинѣ. Послѣдняя разсказана съ такими деталями, какихъ намъ не приходилось встрѣчать ни у одного изъ біографовъ; самый тонъ повѣствованія, простой и безыскусственный, изобличаетъ очевидца. То же можно сказать и относительно войнъ: увлекаясь, повидимому, воспоминаніями, авторъ даетъ настолько подробныя и точныя описанія всѣхъ кампаній, фланговыхъ движеній войскъ и т. п., что онѣ являются даже ущербомъ для общаго хода повѣствованія (изъ 63 л. повѣсти на описаніе войнъ отведено около 30 л.). Въ повѣздкѣ Потемкина въ С.П.Б. авторъ, очевидно, не участвовалъ и на праздникѣ въ Таврическомъ дворцѣ не присутствовалъ; какъ мы отмѣтили выше, описаніе праздника цѣликомъ заимствовано у Державина, причемъ характерна одна подробность: всѣ *очевидцы* праздника указываютъ на случайно происшедшій

безпорядокъ—раздачу подарковъ народу до приѣзда Екатерины¹⁾),—нѣтъ такого упоминанія у Державина,—нѣтъ и въ нашей повѣсти.

Не присутствовалъ нашъ авторъ, повидимому, и при приѣмѣ Екатерины Потемкинымъ на югѣ, такъ какъ объ ея путешествіи упомянуто лишь вскользь. Молодость Потемкина извѣстна автору повѣсти, вѣроятно, лишь по слухамъ, ибо о ней отзывается онъ очень осторожно, напр.: „говорятъ, онъ еще съ юности судилъ съ великою мудростію“ (л. 8 об.).

Не подлежитъ сомнѣнію образованность автора, его знакомство съ мифологіей и исторіей, какъ античнаго міра, такъ и славянскаго²⁾, знакомство съ Французской литературой, откуда онъ беретъ прототипъ своей повѣсти,—но всѣ эти данныя черезчуръ скудны и мало помогаютъ выясненію личности автора, такъ что этотъ вопросъ оставляемъ открытымъ.

Что же касается формы—„roman déguisé“,—то нѣчто подобное встрѣчается въ XVIII в. лишь у кн. Щербатова въ его „Путешествіи въ землю Офирскую³⁾“; но тамъ déguisementъ выступаетъ значительно слабѣе, ограничиваясь лишь *искаженіемъ* собственныхъ именъ⁴⁾. Описанная нами „Повѣсть о Гардарикѣ“ возникла очевидно, независимо отъ сочиненія Щербатова, непосредственно изъ Французскаго источника и была попыткой привить къ Русской литературѣ модный въ свое время Французскій жанръ.

Т. Глаголева.

¹⁾ Русск. Арх. 1867 г., стр. 674—694: Письмо Тимофея Кирьяка; Москвит. 1852 г., № 3, стр. 28—29: Изъ рукописи современника.

²⁾ Такъ, авторъ упоминаетъ наряду съ Перикломъ, Алкивиадомъ и т. д. древнія названія рѣкъ, мѣстностей, племенъ: Фракія, Батавія, Паннонія, Синпллъ, Бористень, Танаи (Танаисъ); моря Хвалынское, Ахейское; агаряне, хозары, алане, роксолане.

³⁾ Соч. кн. М. М. Щербатова, т. I-й.

⁴⁾ Перега—Петръ; Перегабъ—СПБ.; Негія—Нева; Тервелъ—Тверь, Голва—Волга, Дысвы—Шведы и пр.